

В. МАЯКОВСКИЙ И Н. АСЕЕВ. «УЧИТЕЛЬ» И «УЧЕНИК» ИЛИ ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ?

Аннотация. В статье рассматриваются творческие взаимосвязи В. Маяковского и его «собрата по футуризму» Н. Асеева; анализ поэтических текстов с привлечением культурно-исторического, сравнительно-исторического и герменевтического методов позволяет сделать вывод о том, что художественные миры поэтов содержат много общих черт. Это касается явного тематического единодушия, проявленного обоими поэтами (а общими для них явились темы: антивоенная, революции, социалистического строительства и т.п.), причиной которого послужило не ученическое заимствование Асеевым литературных тем и находок Маяковского, а общественная атмосфера – созидательный пафос молодого советского государства. Подтверждает данный вывод и тот факт, что и в творческой биографии Маяковского имели место случаи обращения к поэтическим находкам Асеева (в частности, в области художественной образности и рифмы) и использования их в собственных произведениях.

Ключевые слова: В.В. Маяковский; Н.А. Асеев; футуризм; художественный мир; взаимообогащение.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru.

O.M. Kultysheva

V. MAYAKOVSKY AND N. ASEEV. «TEACHER» AND «PUPIL» OR RELIGION?

Abstract. The article deals with the creative interrelationship between V. Mayakovsky and his «fellow on futurism» N. Aseev; the analysis of poetic texts with the involvement of cultural-historical, comparative-historical and hermeneutic methods allows us to conclude that the artistic worlds of poets contain many similarities. This concerns the explicit thematic unanimity shown by both poets (and the themes common for them were the anti-war, the revolution, the building of socialism, etc.), the reason of which was not the student's borrowing of Aseev's literary themes and the discoveries of Mayakovsky, but the public atmosphere was the creative pathos of the young Soviet state. This conclusion is confirmed by the fact that in the creative biography of Mayakovsky there have been instances of appealing to Aseev's poetic finds (in particular, in the field of artistic imagery and rhyme) and using them in his own works.

Key words: V.V. Mayakovsky; N.A. Aseev; futurism; artistic world; mutual enrichment.

About the author: Kultysheva Olga Mikhailovna¹, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Обзорное изучение литературы по проблеме взаимоотношений двух «собратьев-футуристов» – кубофутуриста В. Маяковского и «центрифугиста» Н. Асеева, в конце концов объединивших свои творческие усилия под эгидой Лефа, – показывает, что из всех единомышленников Маяковского фигура Асеева видится большинству исследователей наиболее близкой ему – мировоззренчески и поэтически¹. Особо подчеркивается факт взаимного уважения между поэтами. Так, большинство авторов приводят в подтверждение своего вывода об уважительном отношении Маяковского к творчеству Асеева слова поэта из стихотворения «Юбилейное» (1924):

...есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя (Маяковский 1957а: 53)

Трактуются эти слова Маяковского также примерно одинаково: мол, глава Лефа признает талант Асеева, считает его равным своему («хватка у него моя») и предвидит большое поэтическое будущее Асеева («этот может»). Своеобразным резюме высказываниям подобного типа служит исчер-

¹ См., например: Васильев 1963; Зелинский 1963; Кирсанов 1963; Култышева 2005: 130; Раков 1976: 152–181; Тычина 1963; Шкловский 1974: 7–142.

пывающая фраза Шкловского из его воспоминаний «О Маяковском»: «Он любил Асеева <...> и движение советской поэзии вперед» (Шкловский 1974: 123).

В. Шкловский четко обозначил и безоговорочно дружественную позицию Асеева по отношению к Маяковскому. Так, вспоминая историю одновременного опубликования в журнале «Новый Леф» поэм Маяковского «Хорошо!» (1927) и Асеева «Семен Проскаков» (1928) – стихотворных примечаний к настоящей биографии партизана – формалист оценивает положительно оба произведения («Большие стихи» (Шкловский 1974: 136). Однако не были так единодушны другие рецензоры: «Первое нападение было на Асеева. Травили его статьями «Лит. халтура». <...> Потом Асеева начали хвалить, говорили, что он первый поэт страны, что он лучше Маяковского» (там же). Несмотря на резкий перепад настроений критиков, Асеев не успокоился похвалой и выступил в защиту Маяковского: «Асеев на диспуте (о названных поэмах – О. К.) встал с Маяковским рядом и говорил о неразрушимой дружбе поэтов» (Шкловский 1974: 136).

Общее единодушие несколько нарушает факт, на который обращает внимание В. Раков в очерке «Творческая дружба», посвященном творческим взаимоотношениям Маяковского и Асеева. Внимание исследователя обращает на себя вторая – ироническая – часть отзыва Маяковского об Асееве из стихотворения «Юбилейное» («о ней почему-то критика умалчивает» (Раков 1976: 153):

Но ведь надо

заработать сколько!

Маленькая,

но семья (Маяковский 1957а: 53).

Нельзя не согласиться с исследователем, что «в этих словах <...> довольно определенно указана та опасность, которая подстерегала Асеева, мешая ему развернуться в первоклассного поэта <...> литературная спешка, недостаточная шлифовка написанного» (Раков 1976: 153). Против литературного прагматизма и за тщательную обработку «стиховой продукции» Маяковский не раз высказывался в своих публицистических статьях («О мелочах» (1923), «Как делать стихи?» (1926); это был один из принципиальных моментов и в его личном поэтическом творчестве (как известно, поэт «делал» свои стихи – в частности, по много раз менял варианты рифмовок: «Я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало. В результате моя рифмовка почти всегда необычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась», – писал Маяковский в статье «Как делать стихи?» (Маяковский 1959: 106), поэтому поэт не мог себе позволить оставить без внимания склонность Асеева к литературному прагматизму, хотя последний действительно был одним из самых близких друзей по жизни и единомышленников в творчестве.

Лефовец Асеев – «правая рука» главы Лефа Маяковского – не всегда придерживался в творчестве левоэстетических позиций. Будучи студентом Коммерческого института в Москве, он увлекся поэзией и перешел вольнослушателем на филологический факультет университета, где познакомился с символистом Ф. Сологубом, «Иваном Калитой русского символизма» В. Брюсовым и младосимволистом А. Белым. Поэтому неудивительно, что первые сборники Асеева – «Ночная флейта» и «Зор», изданные в 1914 году, – носили на себе отпечаток поэтики символизма. Сам Асеев, вспоминая о роли поэтов-символистов в формировании своей ранней поэтической манеры, писал: «Стихи моей первой книжки <...> решали формальные задачи стихотворчества. В ней были строки, полемически обращенные против Брюсова. Но многие «просодии» этого сборника были сочинены под влиянием брюсовских теорий» (Асеев 1959: 199). Поэтому неудивительна резко негативная реакция на появление сборника Асеева «Ночная флейта» со стороны набиравшего силу футуризма. «Первый журнал русских футуристов» на основе ознакомления со стихами сборника делает вывод об отсутствии у Асеева поэтического дара: «Может быть, у г. Асеева много скрытых талантов, но совершенно ясно, что к поэзии они не имеют ни малейшего отношения» (Первый журнал русских футуристов 1914: 141).

Сближение Асеева с футуристами произошло на почве его активного участия с 1911 г. в издательстве «Лирика», из которого вскоре выделилась литературная группа «Центрифуга». Однотипником Асеева становится знакомый ему еще по годам учебы в университете Б. Пастернак. А в 1915 году Асеев знакомится с В. Маяковским и В. Хлебниковым, изучает эстетические и поэтические декларации кубофутуризма и безоговорочно принимает их. С этих пор Асеев пишет произведения, выдержанные в подчеркнуто-футуристическом духе, а некоторые из них носят явно подражательный характер относительно «вещей» Маяковского того времени. Так, например, в новых сборниках Асеева одним из ведущих становится мотив неприятия окружающего мира («...окна столпившихся хижин / покрыты кровью. / А ночь от восточного склона / недвижными машет крылами: / дыхание тем-

ного лона / над нами» (Асеев 1963: 33). Поэт выражает недовольство современным городом, образ которого являет собой враждебную по отношению к человеку силу. Образ этот обнаруживает явное сходство с образом «адища города», появившимся в поэзии Маяковского в 1913-м году в одноименном стихотворении:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.
А там, под вывеской, где сельди из Керчи –
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечерующем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки... (Маяковский 1955: 55).

Ср. у Асеева:

Разве шагнуть с холмов,
трудно и выйти на поле,
если до губ полно
и слезы весь Кремль закали?
Разве одной Москвой
желтой живем и ржавою?
Мы бы могли насквозь
небо пробить державою.

(«Проклятие Москве» (1916) (Асеев 1963: 73)

Общим для Маяковского и Асеева явился и мотив неприятия войны. Известно, что в годы первой мировой войны Маяковский неоднократно выступал антимилитаристом, требуя от деятелей искусства «сказать о войне правду». Для себя поэт решил: «Чтобы сказать о войне, – надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности» («Я сам», 1922.1928) (Маяковский 1955: 22). Отрицательное отношение Маяковского к войне как к национальной катастрофе выразилось в его стихах («Война объявлена», «Мама и убитый немцами вечер», «Вам!», поэма «Война и мир»). В стихотворении «Вам!» (1915) поэт противопоставлен той части общества, которая старается не замечать войны-бойни:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как Вам не стыдно о представленных к Георгию
Вычитывать из столбцов газет?! (Маяковский 1955: 75)

А основной идеей дооктябрьской поэмы «Война и мир» (1915–1916) является несопоставимость никакой победы с тем, чем она достигается. В гиперболических, даже физиологически-чувственных образах поэт пишет об ужасе истребления человека человеком:

Куда легендам о боях Цезарей
перед былью,
которая теперь была!

<...>

... выбежала смерть
и затанцевала на падали,
балета скелетов безногая Тальони.

(Маяковский 1955: 220, 228)

В 1915-м же году был призван на военную службу и Асеев. Личное участие в военных действиях позволило Асееву утвердиться в своем протесте против войны и милитаризма как такового. В. Раков отмечал сходство антимилитаристских стихов Асеева тех лет с антивоенной лирикой Маяковского: «Мировая война усиливает протестующий пафос поэзии Асеева, вносит в нее ноты, сближающие ее с творчеством раннего Маяковского» (Раков 1976: 158). Свидетельство тому – такие стихи, как «Повея война (Вступление)» (1916), в котором Асеев размышляет о двух войнах – русско-японской и Первой Мировой. В стихотворении создан образ «рассерженного грузина», что «на небо синее грозил, / светло отплеываясь сталью» (Асеев 1967: 91). Образ этот вызывает ассоциации с образом «Петрова поручика», созданным Маяковским в стихотворении «Вам!»:

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напевае Северянина! (Маяковский 1955: 75)

Еще большее сходство обнаруживаем между стихотворением Маяковского «Вам!» и стихотворением Асеева «Боевая сумрова», поскольку и в том, и в другом ставятся вопросы, обращенные к «высшему» слою общества, поощрявшему начало войны и игнорирующему ее кровавый ход:

Давно ли сами вы буйно кликали
конницу от востока?..
С горячим грохотом железных сковород
вас отрезвит ли военный случай?..
Не завтра ль, выданы смертельным сумеркам,
пойдете к песням вы и к молитвам?.. (Асеев 1915: 75)

О факте одобрительного восприятия Маяковским антивоенных стихов Асеева свидетельствует сам поэт, рассказывавший в 1933 году в московском Литературном музее о своих встречах с Маяковским в военном 1915 году следующее: «Я читал свои антимилитаристские стихи. Маяковский радовался: «Нашего полку прибыло». Предложил участвовать во «Взял» (Цит. по: Харджиев 1997: 154). Об общей тональности антивоенной лирики Маяковского и Асеева свидетельствуют и явные текстовые заимствования, произведенные Маяковским в последней части поэмы «Война и мир» (1916) из стихотворения Асеева «Боевая сумрова» (1915). Ср.: у Асеева:

Пядь за пядью все реже, реже там
Встают, шатаясь, озябшие кости,
Кричат: вы горы, зажатые скрежетом
Зубов железных, – на нас не бросьте (Асеев 1915: 75).

И у Маяковского:

«Клянись,
больше никого не скосите!»
Это *встают* из могильных курганов,
Мясом обрастают *хороненные кости*.

(Маяковский 1955: 236)

Помимо общей для поэтов антимилитаристской тематики приведенные стихи Асеева демонстрируют и характерные для Маяковского и футуризма в целом словотворческие эксперименты, о чем свидетельствуют их заглавия: «Повей война», «Боевая сумрова». Маяковский в футуристский период тоже отдает дань футуристическому «словотворчеству»: «ораненный» («От усталости», 1913), <ночь> «излюбилась» («Адище города», 1913), <голос> «урóдился» («Война объявлена», 1914) и т.д. Однако, если Асеев демонстрирует, скорее, тенденцию к футуристическим экспериментам по созданию всеобщего «заумного» языка, то Маяковский отдает дань неологизаторству, находящемуся в пределах словообразовательных традиций русского языка.

Помимо мотива неприятия современного города и антивоенной темы общей для Асеева и Маяковского явилась тема революции. Как известно, на сторону Октябрьской революции Маяковский становится без колебаний: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня <...> не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось» («Я сам», 1922. 1928) (Маяковский 1955: 25). В марте 1919 года Маяковский переезжает из Петрограда в Москву, где начинает сотрудничать в РОСТА (Российское телеграфное агентство), оформляя как поэт и художник агитационно-сатирические плакаты «Окна РОСТА». Попутно выступает в «Газете футуристов» и «Искусство коммуны», пишет прореволюционные стихи («Революция (Поэтохроника)» (1917), «Сказка о красной шапочке» (1917), «Наш марш» (1917) и др.).

Асееву, как и Маяковскому, не приходилось долго размышлять над вопросом, принимать или не принимать революцию. Попав в ходе первой мировой войны в качестве солдата во Владивосток, Асеев осел в городе. Там же, на Дальнем Востоке, поэт встретил и известие о революции. О его революционной активности в те годы красноречиво свидетельствует уже тот факт, что он был избран в полковой Совет солдатских депутатов. Затем – сотрудничество в советских газетах, участие в литературной группе «Творчество», издание поэтического сборника «Бомба» (Владивосток, 1921). «Бомба» Асеева явилась стихотворным откликом на революцию. Название ее оказалось точным. Книгу Асеева действительно сравнивали с бомбой, брошенной в лирический студень. Она – подстать эпохе декре-

тов и кожаных курток. Это книга громких деклараций и митинговых жестов. В ней – романтический пафос нового мира, строгий маршевый ритм (сравнимый со стихотворением Маяковского «Наш марш» (1917), кумачовая колористика и революционная риторика:

Заводы, слушайте меня –
Готовьте пламенные косы:
В России всходят зелены
И бредят бременем покоса!

(«Россия издали» (1910) (Асеев 1967: 116)

Приведенные факты из пореволюционной биографии и творчества Асеева ярко свидетельствуют о безоговорочном приятии поэтом темы революции своей главной лирической темой в те годы. Поэтому несколько странно выглядят некоторые заявления В. Ракова об Асееве, сделанные в очерке «Творческая дружба». Исследователь творчества Маяковского говорит о восприятии Асеевым революционных свершений как неожиданных, точнее, не ожидаемых: «...если для Маяковского она (революция – О. К.) пришла как долгожданная, то для Асеева ее приход не был столь ясен. Он понимал, что жизнь несет его в сторону нового, но это новое еще не было миросознанием» (Раков 1976: 161). Т.е. Асеев, считает Раков, не воспринимает революцию органической частью самого себя, целью своего творчества, а во многом вынужден принять ее как свершившийся факт.

Однако хочется возразить исследователю, внутренняя неуверенность Асеева в справедливости революционных преобразований в стране неизменно породила бы фальшь в революционных стихах поэта. Книга «Бомба», напротив, – хотя местами наивно, простовато – искренне утверждает революционные идеалы. Демократическая печать остро почувствовала это: газета «Дальневосточная трибуна» и журнал «Печать и революция» горячо приветствовали новую книгу Асеева. В противоположном же критическом лагере книга вызвала неприятие, а когда на Дальнем востоке временно установилось белогвардейское правительство, большая часть тиража «Бомбы» была уничтожена.

Среди приветствовавших революционную «Бомбу» Асеева был и В. Маяковский. Получив экземпляр «Бомбы» лично от автора, он, по свидетельству составителей биобиблиографического словаря «Русские писатели, XX век», прислал в ответ свою книгу с надписью: «Бомбой взорван с удовольствием. Жду руку – за!» (Русские писатели, XX век 1998: 94). Именно Асеев стал активнейшим проводником идей и поэтики Маяковского в культурной жизни Приморья тех лет. Так, он читал лекции о футуризме, публиковал новые произведения Маяковского; именно благодаря Асееву владивостокские читатели познакомились с «Мистерией Буфф» и поэмой «150 000 000» почти синхронно с петроградцами и москвичами.

В 1922 году Асеев возвращается в Москву и входит в литературную группу ЛЕФ, которую возглавил Маяковский, сотрудничает в журналах «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ», становится практически «правой рукой» Маяковского в ЛЕФе: выступает вместе с Маяковским, издает в соавторстве с ним шесть книжек агитационных стихов. Большинство исследователей творчества Асеева утверждает единство взглядов Асеева и Маяковского на Леф², хотя творческие позиции двух лефовцев вскоре обнаружили явное противоречие. Так, одной из причин ухода Маяковского из Лефа послужил тот факт, что «Новый Леф» явился, по сути, обновленной редакцией футуристического журнала «Искусство коммуны» (1918 – 19) и перестал соответствовать поставленной при создании группы задаче создания «литературы факта». В докладе «Левей Лефа» (29 сентября 1928 г.) Маяковский говорил о причинах непонимания массовым читателем творчества лефовцев: «Словесное мастерство Лефа <...> еще слишком часто замкнуто пределами отвлеченного изобретательства в слове. Таким изобретателем поэтического языка был Хлебников – с него начинал Леф. Тогда в составе Лефа возможны были и заумники. <...> «Самовитое слово» – пройденный этап» (Маяковский 1955: 505–506). Маяковский ставит перед левым движением следующую первостепенную задачу: «Леф должен признать контроль читателя и сделать свое мастерство массовым. <...> Ближайшая задача Лефа – целиком идти к массовому читателю, закрыв за собой двери самодовлеющей лаборатории слова» (Маяковский 1955: 506). Однако Асеев, увлекавшийся словотворчеством до революции, и в бытность лефовцем продолжал эксперименты в русле футуристической теории «заумного» языка. Тяготая к поиску и эксперименту со словом и текстом, Асеев испробовал в своем творчестве различные литературные находки – стилизацию древнерусских мотивов, заимствования из Гофмана, Гумилева, Блока, хлебниковские сло-

² «Отношение Асеева к Лефу во многом напоминает позицию Маяковского», – пишет В. Раков в очерке «Творческая дружба» (Раков 1976: 164).

весные опыты (так, одна из послереволюционных книг Асеева называлась «Избрань»). В. Раков справедливо отмечает: «Поэтическая практика Асеева <...> показывает, что все <...> значительное, что он создал, противоречит лефовской теории «литературы факта» (Раков 1976: 164), за которую ратовал руководитель Лефа. С этим противоречием, по мнению исследователя, связаны и множественные «идеологические ошибки» Асеева в период лефовства. Исследователь отстаивает свою точку зрения на Асеева как на морально не готового принять революционные перемены и отталкивается от нее, проводя в очерке «Творческая дружба» анализ таких двух похожих поэм Маяковского и Асеева, как «Про это» (1923) и «Лирическое отступление» (1924). Справедливо отмечая тематическую близость поэм («Пафос обеих поэм – в разоблачении мещанства, цепко осевшего в семейном быту: «Не приемлю, ненавижу это все. / Все, что в нас ушедшим рабым вбито...»). Асеев также не приемлет

Мир суровый, мир лиловый,
страшный, мертвый мир былого,
мир, где от белья и мяса
туши тушами дымятся...» (Раков 1976: 164),

исследователь обращает внимание на принципиальное отличие между поэмами. Отличие это, якобы, состоит в следующем. Маяковский безоговорочно верит «всей сердечной мерою» в возможность преодоления мещанского застоя в ближайшем будущем, и тому свидетельство – строки:

... вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.
До того, что кажется –
вот только с этой рифмой развяжись,
и вбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.

(Маяковский 1955: 181)

В поэме же Асеева «такой веры нет: <...> его лирический герой готов сдать свои позиции, «отступить». <...> Растерянность Асеева перед мещанством вызвана неправильным пониманием нэпа. <...> Поэт с грустью писал:

Как мне вырастить жизнь иную
сквозь зазывы лавок,
если рядышком –
вход в пивную
от меня направо?» (Раков 1976: 166).

Однако неуверенность по отношению к нэпу, явленная в поэме Асеева, еще не есть личная неуверенность поэта в преобразованиях советской власти. Известно, что субъект, за которым закрепляется лирическое высказывание, в литературоведении определяется как лирический герой. Часто лирический герой – это созданная поэтом лирическая биография, и она не тождественна реальной биографии автора (хотя может отражать отдельные ее моменты). Можно сказать, что лирическое содержание – в данном случае неуверенность в необходимости нэпа и в возможности искоренения старого быта – является не обязательно следствием реальных сомнений поэта, а скорее отражает мнение множества людей. Это отличие между лирическим героем поэмы Асеева и самим поэтом тонко почувствовал Маяковский, о чем свидетельствуют его слова в защиту друга от нападков в адрес «Лирического отступления»: «В то время как по линии экономической и политической мы стоим на твердой почве, в области быта мы еще середка на половинку» (Маяковский 1955: 282–283).

Кроме того, творчество самого Маяковского показывает, что он не очень-то придерживался требования «литературы факта», за которое публично ратовал. Так, вроде бы в период «Нового Лефа» Маяковский поддержал этот принцип в поэме «Хорошо» (1927) («Ни былин, ни эпосов, ни эпопей», но знание «из реки по имени Факт» (Маяковский 1957b: 104). Однако содержание поэмы противоречит теории фактографической литературы. В поэме Маяковский прибегает к широким обобщениям, художественному вымыслу, который сочетается с действительным отражением событий. И этой схеме так или иначе соответствуют все произведения Маяковского.

Е.Б. Тагер в статье «О стиле Маяковского» пишет: «Давно было отмечено <...> пристрастие Маяковского к использованию в стихах собственных имен. <...> Разумеется, эта черта поэтики Маяковского ничего общего не имеет с принципом «фактографии», который пропагандировали теоретики «Лефа», противопоставляя «факт» художественному вымыслу. В художественной системе Маяковского

го пристрастие к собственным именам является лишь частным приемом, задача которого – создать ощущение единичности описываемого явления и тем самым утвердить своеобразный пафос точности изображения, не терпящего никакой приблизительности и условности» (Тагер 1988: 248 – 249, 251).

Единомышленником Маяковского в «реабилитации» вымысла был и Асеев. В книге «Зачем и кому нужна поэзия» он писал: «Маяковский, а вслед за ним и я не очень-то усваивали эту теорию («фактографии» – О. К.); нам было жаль отказываться от воображения, «глупая вобла» которого все-таки была куда съедобней для работы, чем всяческий <...> новаторский проект» (Асеев 1961: 292).

Как бы то ни было, несмотря на противоречия во взглядах на задачи Лефа, в середине 1920-х годов творческие связи Асеева и Маяковского упрочились. Вместе они участвуют во множестве изданий (Маяковскому, а в компании с ним и Асееву с радостью предоставляют свои страницы газеты «Комсомольская правда», «Рабочая Москва», «Рабочая газета», «Вечерняя Москва», «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», журналы «Молодая гвардия», «Октябрь», «Красная новь», «Огонек», «Крокодил», «Бузотер» и «Чудак»). Асеев сам отмечал неоценимую поддержку поэта в своей публицистической деятельности: эту работу «возглавлял Маяковский, неотступно, как пароход баржу, буксируя меня всюду с собой» (Асеев 1959: 92).

Тематические предпочтения поэзии Асеева и Маяковского этих лет также являют собой сходство. Однако, в отличие от В. Ракова, который пишет, что поворот Асеева к героическому эпосу произошёл «не без влияния Маяковского, особенно его поэмы «В. И. Ленин» (Раков 1976: 168), мы считаем, что тенденцию к такому переходу являла собой вся советская действительность середины 20-х годов. Как и Маяковский (а не в подражание Маяковскому!), Асеев находит своего героя на лесах новостроек, призывает учиться поэзии у станка и комбайна. В 1925 году он пишет поэмы «Двадцать шесть» и «Свердловская буря», стихи и циклы стихов «Электриада», «Курские края», «Песня о нефти», в которых развиваются идеи причастности к народной жизни, трудовому коллективизму. Вдохновение поэта навеяно мужеством будничного созидательного труда рабочих, в образах которых Асееву видится характерный для эпохи героизм. Так, в поэме «Свердловская буря» поэт создает образ свердловца-коммуниста, плечом к плечу с которым он сидит «над верным вождем, над Ильичем», перенимая у него мудрость новой жизни. Образ этот вызывает ассоциации с созданным Маяковским в 1924 году в поэме «В. И. Ленин» образом лирического героя, который себя «под Лениным» «чистит», «чтобы плыть в революцию дальше», но не является его зеркальным отражением. То же самое можно сказать о поэмах «Хорошо!» (1927) и «Семен Проскаков» (1928), посвященных одному и тому же историческому событию – 10-летию Октябрьской революции. Нельзя утверждать, что поэма Асеева была написана в подражание поэме Маяковского, потому что в честь юбилейной даты увидели свет множества и множества произведений, с похожим чувством воспевавших революцию и свершения советской власти за 10-летний период правления в стране.

Более того, в противовес мнению об Асееве как о поэте, во многом подражательном по отношению к Маяковскому, имеется документально зафиксированное свидетельство о том, что и Маяковский перенимал кое-какие поэтические находки Асеева. Так, в книге «Кому и зачем нужна поэзия» Асеев вспоминает один разговор с Маяковским:

«– Асейчиков! Продайте мне строчку!

– Ну, вот еще, торговлю затеяли!.. <...> Какая же строчка?

– А вот у вас там в беспризорном стихе: «от этой грязи избавишься разве».

– <...> Ладно, берите, пользуйтесь.

Строчка, чуть варьированная, вошла в одно из стихотворений об Америке, гораздо позже написанных» (Асеев 1961: 304–305). Асеев имеет в виду «Блек энд уайт», написанное Маяковским в 1925 году под впечатлением визита в Америку:

От этой грязи скроешься разве?

Разве что

стали б

ходить на голове,

и то

намели бы

больше грязи:

волосьев тыщи,

а пог –

две (Маяковский 1957b: 21).

взметенное
в чистой
июньской
несношенной голубизне (Асеев 1967: 519–520).

Автор поэмы рисует деятельность своего героя как подвижническую, восхищаясь его преданностью искусству. Справедливости ради следует отметить, что во многом Асеев идеализирует, схематизирует личность Маяковского.

Выступая при жизни Маяковского в защиту его от нападок критики³, после смерти друга Асеев продолжил в поэме страстную полемику с противниками Маяковского, подчеркнув значение поэта для литературы и судьбы страны в целом. Образ Маяковского являлся одним из излюбленных поэтических образов Асеева и на протяжении последних лет его жизни (поэт скончался в 1963-м году). Так, в 1950-м году были написаны дополнительные главы поэмы «Маяковский начинается», а в 1961-м году свет увидела книга «Зачем и кому нужна поэзия», в которой наряду с образами других поэтов (таких, как Есенин, Хлебников, Твардовский, Светлов и др.) создан колоритный образ Маяковского «глазами друга и единомышленника».

Подводя итог сказанному, отметим, что, несмотря на распространенное мнение о ровных творческих взаимоотношениях Маяковского и Асеева и неоднократно зафиксированные примеры уважительных высказываний поэтов о творчестве и личности друг друга, нельзя не замечать и существования между ними разногласий. Так, в стихотворении «Юбилейное», похвалив талант и перспективы творческого роста Асеева, Маяковский находит нужным указать другу на недопустимость ни при каких обстоятельствах «литературной спешки», или «литхалтуры» в погоне за количеством стихов. Считая одним из необходимых составляющих творчества тщательную «шлифовку» написанного, Маяковский требует этого и от несомненно талантливого поэта Асеева.

В период пребывания обоих поэтов левовцами обнаруживаются разногласия иного рода. Несмотря на то, что одной из главных задач Лефа было создание «литературы факта», творчество Асеева в указанный период во многом являло собой расхождение с ней в пользу художественного вымысла и футуристической теории «заумного» языка. И хотя глава Лефа, как подтверждает анализ его произведений, сам не всегда следовал поставленной задаче, тем не менее, в публичных выступлениях он требовал неукоснительного следования ей.

Наконец, остается добавить, что, несмотря на явное тематическое единодушие, проявленное обоими поэтами (а общими для них явились темы: антивоенная, революции, социалистического строительства и т.п.), думается, его причиной послужило не ученическое заимствование Асеевым литературных тем и находок Маяковского – по крайней мере, после революции – а общественная атмосфера – созидательный пафос молодого советского государства. В пользу подобного вывода говорит и тот факт, что и в творческой биографии Маяковского имели место случаи обращения к поэтическим находкам Асеева (в частности, в области художественной образности и рифмы) и использования их в собственных произведениях. Поэтому в данной связи, скорее, можно говорить о взаимобогащении, нежели чем об одностороннем заимствовании и отношениях «учитель» – «ученик».

ЛИТЕРАТУРА

Асеев Н. 1915. Весеннее контрагентство муз. Москва: Издательство «Студии» Д. Бурлюка и С. Вермель.

Асеев Н. 1931. Об отношении Ленина к Маяковскому // На литературном посту 10.

Асеев Н. 1959. Молодая гвардия 6.

Асеев Н. 1961. Зачем и кому нужна поэзия. Москва: Советский писатель.

Асеев Н. 1959. Моя жизнь // Советские писатели. Автобиографии: в 2-х т. Т. I. Москва: Советский писатель.

Асеев Н.Н. 1963. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1910–1927. Москва: Издательство художественной литературы.

Асеев Н.Н. 1967. Стихотворения и поэмы / Урбан А. (вступ. ст. и сост.). Ленинград: Советский писатель.

Бонч-Бруевич В.Д. 1931. Ленин о поэзии // На литературном посту 4.

Васильев С. 1963. Подвиг поэта // Литературная газета, 18 июля.

Зелинский К. 1963. Памяти друга // Литературная газета, 18 июля.

Кирсанов С. 1963. В последний путь // Литературная газета, 20 июля.

³ «Асеев на диспуте (о поэмах «Хорошо!» и «Семен Проскаков» – О. К.) встал с Маяковским рядом и говорил о неразрушимой дружбе поэтов», – вспоминал В. Шкловский (Шкловский 1974: 136).

Култышева О.М. 2005. В. Маяковский и литературные группы и объединения 1910 – 1920-х годов. Москва: МГОУ.

Литературное наследство. 1958. Новое о Маяковском. Москва: АН СССР.

Маяковский В.В. 1955. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1957а. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1957б. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1958. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 8. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1959. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Москва: Гослитиздат.

Первый журнал русских футуристов. 1914. №1-2.

Раков В.П. 1976. Маяковский и советская поэзия 20-х гг. Учебное пособие для студентов филологических специальностей педагогических институтов. Изд 2-е, перераб. и доп. Москва: Просвещение.

Русские писатели, XX век. 1998. Биобиблиографический словарь. В 2 ч. Ч. I. А – Л / Скотов Н.Н. (ред.). Москва: Просвещение.

Тагер Е.Б. 1988. Избранные работы о литературе. Москва: Советский писатель.

Тычина П. 1963. Это был поэт... // Литературная газета, 20 июля.

Харджиев Н.И. 1997. Статьи об авангарде: В 2 т. Т. 2. Москва: РА.

Шкловский В.Б. 1974. Собр. соч.: В 3 т. Москва: Художественная литература.

УДК 81.373.43

С.А. Никишина

СЛОВА С ПРИСТАВКОЙ АНТИ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье освещены вопросы, касающиеся особенностей употребления в русском языке лексем с приставкой **анти-**. Сплошной выборке были подвергнуты дериваты с префиксом **анти-**, зафиксированные в общем и газетном подкорпусах Национального корпуса русского языка (НКРЯ), употребление которых относится к периоду с января по август 2014 г. Определены наиболее частотные частеречные и тематические разряды исследуемых языковых единиц, отражающие современные реалии. Предпринята попытка охарактеризовать лексемы как элементы словообразовательной системы языка, выявить их парадигматические связи. Отмечаются отдельные случаи использования префикса **анти-** в окказиональном словообразовании, его семантизации, изменения стилистической окраски производящих слов. Зафиксировано вовлечение лексем с префиксом **анти-** в сферу вторичной номинации. Используется обширный иллюстративный материал.

Ключевые слова: приставка (префикс); продуктивность и регулярность аффикса; дериваты; имена прилагательные; имена существительные; сфера употребления; окказиональное словообразование; вторичная номинация.

Сведения об авторе: Никишина Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартовского государственного университета.

Контактная информация: 628611, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: nikishina_svetla@mail.ru

S. A. Nikishina

WORDS WITH A PREFIX OF ANTI- IN RUSSIAN

Abstract. The article covers issues concerning the use of lexemes with an anti- prefix in Russian. Samples were subjected to derivatives with the prefix «anti», fixed in the general and newspaper subcorps of the National Corpus of the Russian Language (NKRN), the use of which refers to the period from January to August 2014. The most frequent partial and thematic categories of the studied language units reflecting modern realities. An attempt has been made to characterize lexemes as elements of the word-forming system of language, to reveal their paradigmatic connections. Some cases of using the prefix anti-in occasional word-formation, its semantization, changes in the stylistic coloring of producing words are noted. It is fixed the involvement of lexemes with the anti- prefix in the sphere of the secondary nomination. The extensive illustrative material is used.

Key words: prefix; productivity and regularity of the affix; derivatives; adjectives; nouns; sphere of use; occasional word formation; secondary nomination.

About the author: Nikishina Svetlana Alekseevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Department of Philology and Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Слова с иноязычными элементами получили большое распространение в русском языке, особенно в публицистике, быстро реагирующей на изменения в обществе и потребности обозначать но-